

ПОДВИГИ И СТРАДАНИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА. К 400-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО АВТОРА «ЖИТИЯ»

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Очень скоро мы отметим 400-летие со дня рождения одного из первых русских литераторов, легендарного вождя раскольников, несокрушимого в своих убеждениях протопопа Аввакума. Он появился на свет в начале 1620 и прожил яркую, достойную мученика жизнь человека, так и не отрешившись от своей веры, несмотря на гонения и мучения.

Лидер староверов, не принявших церковную реформу, протопоп Аввакум вошёл в историю нашей страны не только как неординарный религиозный деятель, но и блистательный публицист, внёсший огромный вклад в становление русской литературы. Главное произведение его жизни «Житие протопопа Аввакума» написано образным языком, понятным современному читателю. Печальное повествование о своей жизни он наполняет красочными эпитетами, яркими метафорами. Протопоп одним из первых в нашей литературе использует диалоги, придающие ещё больший драматизм его бессмертному произведению. Аввакум первый в отечественной литературе решил рассказать не о жизни святого, великомученика. Он пишет о себе самом, предлагая вниманию читателя, прежде всего единоверцам, собственную биографию, начиная от своего рождения и до ссылки в Пустозерск – труднодоступный северный город, ныне переставший существовать. Он провёл в Пустозерске 15 лет своей жизни, находясь в земляной тюрьме вместе со своими единомышленниками. Все были сожжены там же, в Пустозерске, 14 апреля 1682 года.

Но книга Аввакума – это не только рассказ о его жизни, той борьбе, которую он вёл со своими религиозными противниками. Протопоп предстаёт перед нами как великолепный знаток географии, животного и растительного мира, природы, которую он блистательно описывает, прибегая к самым разным литературным приёмам. Он хорошо знал обычаи, быт своего времени, а потому мастерски рассказывает о своём отношении к окружающему миру.

Именно на эту сторону творчества Аввакума, о которой не так часто рассказывается в исследованиях прошлых лет и настоящего времени, и обращается основное внимание в данной статье.

Ключевые слова: раскол, протопоп Аввакум, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, Даурья, эпитеты, диалоги, острог, монастырь, Пустозерск, житие.

Аввакум стал писателем благодаря расколу. Его «Житие» – первый в русской литературе опыт автобиографии. Он единственный решился на то, чтобы написать житие не святого великомученика, а рассказать о себе самом, о своей жизни, которую, конечно, мож-

но назвать жизнеописанием мученика. Помимо автобиографического произведения, протопоп написал свыше пятидесяти дошедших до нас сочинений, которые отличаются друг от друга не только объёмом, но и характером повествования. Аввакум, будучи вождём старообряд-

цев, идейным лидером, конечно же, чувствовал своё духовное превосходство как над своими единоверцами, так и религиозными противниками. Это превосходство, к которому следует прибавить несомненное честолюбие, смелость, а также высокое мнение о своём призвании, несомненно, и предопределили его литературную деятельность, вершиной которой стало написание «Жития» – книги о себе самом. Он берёт на себя смелость играть роль пророка и посланника божия, намекает на близость со Спасителем [3, с. 301]. «Наконец, можно без сомнения говорить – подчёркивает исследователь творчества протопопа А.Н. Робинсон, – что «Житие» Аввакума и некоторые его публицистические сочинения (послания царю, письма) вообще привлекали русских (а затем и зарубежных) читателей в силу своего огромного впечатляющего воздействия повествований о страданиях автора, его семейных отношениях, об окружавшей бытовой обстановке, которые были и остаются интересными и сами по себе» [10, с. 9].

Удивительно, но в произведениях Аввакума, как отмечается в работах М.М. Будылиной [2], О.В. Липич [6], в первую очередь привлекает живая русская речь их автора, часто либо сочетающаяся, либо вообще вытесняющая общепринятый книжный, церковнославянский стиль, который нам сегодня малопонятен. Зато нам ясно и понятно о чём пишет Аввакум. Причём мы не просто читаем, а сопереживаем вместе с автором всё, что ему пришлось вынести. Дм. Жуков называет Аввакума «самым талантливым писателем XVII века» [5, с. 13]. Творчество Аввакума «правильно понятое и критически воспринятое, – продолжает далее Дм. Жуков, – стало «одним из величайших достижений русской национальной культуры» [5, с. 13].

В предисловии к книге Жуков и Пушкарёва «Русские писатели XVII века» академик Д.С. Лихачёв причисляет Аввакума к «русским книжникам XI–XVII веков, которые думали о будущем России, о счастье всех людей мира. И нам следует их помнить – помнить об их большом вкладе в нашу сегодняшнюю жизнь, в нашу литературу, в формирование характера русского человека с его самоотверженностью и бескомпромиссностью» [5, с. 6]. В своих произведениях Аввакум выступает как блистательный полемист, вступающий в спор со своими недругами. Его «Житие», хоть и является биографическим, но по своему содержанию представляет произведение политического и религиозного характера. Критикуя

реформу патриарха Никона, он вступает в непримиримую полемику с её инициатором и всеми, кто отказались от старой веры. Религиозная полемика протопопа ярко раскрыта, например, в работах Н.С. Демковой [4], С.А. Степанова [12], А.В. Осиповой [8; 9], С.Г. Бармина [1]. Но в то же время мы видим, что «Житие» – это не только произведение политического и религиозного содержания. Его автор выступает как великолепный знаток географии, природы, животного и растительного мира. Он прекрасно описывает быт, обычаи людей XVII века. За кажущейся словесной сжатостью повествования скрывается широчайший кругозор автора «Жития». Именно на эти знания протопопа и обращает основное внимание автор представленной статьи.

Конечно же, в «Житии» встречаются многочисленные архаизмы, понять которые невозможно без соответствующих разъяснений. Но даже несмотря на обилие старославянских слов, текст «Жития» понятен современному читателю прежде всего благодаря великолепному литературному стилю, динамике изложения авторских мыслей. «Следует заметить, – пишет А. Робинсон, – что под названием «русский» или «природный» язык Аввакум фактически объединял два языка – живой русский и книжный церковнославянский, которыми он владел свободно и различными сочетаниями которых пользовался с тонким искусством, всегда связанным с содержанием повествования» [10, с. 10].

Многие исследователи в своих трудах, причём совершенно справедливо, рассматривают Аввакума прежде всего как вождя сторонников старой веры. В то же время они уделяют меньше внимания содержащемуся в «Житии» описанию быта, обычаев, природных условий тех краёв, где побывал мятежный протопоп. Так, исследователь В.А. Мякотин в своём труде «Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность» пишет, что в его изложении биографии Аввакума «главное внимание обращено на изображение идейной стороны движения, тогда как подробности бытовой обстановки отступают на второй план» [7, с. 65]. Протопоп сразу же в начале своего произведения заявляет, что будет писать просто и понятно для читателей «Жития». Обращаясь к ним, Аввакум пишет: «...и вы, Господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет» [3, с. 63].

Вот почему Дм. Лихачёв относит Аввакума к тем людям, «которые своей неутомимой, самоотверженной работой над словом, своим высоким идейным горением создали прочные предпосылки для расцвета русской литературы в XIX и XX веках. Они трудились над языком своих произведений и создали один из самых богатых и глубоких литературных языков мира [5, с. 5].

В своём «Житии» протопоп, наверное, одним из первых в русской литературе выступает как мастер пейзажа. Он описывает природу лаконично и в то же время ярко и сочно, а главное, образно. Автор подбирает великолепные эпитеты. Так, вспоминая путь по сибирским рекам в сторону Забайкалья и встречу с опасными порогами, автор жития пишет: «Горы высокия, дебри непроходимыя, утёс каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову!» [3, с. 87]. Он же показывает себя отличным знатоком животного мира: «В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны чёрные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские (улары, горные индейки – Н.Ш.), и бабы (пеликаны – Н.Ш.), и лебеди, и иные дикие – многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя!» [3, с. 87–88].

Описывая возвращение из Даурии в Москву, протопоп увлекательно рассказывает о путешествии по Байкалу: «... и до Байкалова моря доплыли ... лодку починя и парус скропав, через море пошли» [3, с. 110]. И вновь автор выступает как великолепный мастер описания природы, на сей раз Байкала: «...горы высокие, утёсы каменные и зело высоки» [3, с. 110]. Пейзаж поражает автора. Он признаёт: «двадцать тысяч вёрст и больши волочился, а не видел таких нигде» [3, с. 110]. Аввакум продолжает демонстрировать великолепные знания животного мира, образно используя красочные эпитеты: «Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нём – осётры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нём...» [3, с. 111]. Протопоп сравнивает увиденное с тем, что приходилось ему наблюдать на морских просторах: «во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал» [3, с. 111]. Он потрясён рыбным богатством Байкала: «А рыбы зело густо в нём: осётры и таймени жирни гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир всё будет» [3, с. 111].

Впрочем Аввакум прекрасно разбирается и в растительном мире. Он пишет, что по берегам Байкала «лук на них растет и чеснок, – больши романовскаго луковицы, и сладок зело» [3, с. 111]. Исследователи полагают, что Аввакум сравнивает байкальский лук и чеснок с теми сортами, которые произрастали в городе Романове-Борисоглебске – нынешнем Тутаеве. Продолжая описывать флору Байкала, автор не скрывает восхищения увиденным: «Там же растут и конопли богорасленные (взращённый Богом – Н.Ш.), а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо» [3, с. 111].

Итак, автор «Жития» проявил себя как великолепный знаток природы Сибири, её флоры и фауны. Причём записи его наблюдений понятны сегодняшнему читателю. Стилль изложения не выглядит архаичным.

Описывая свои странствия по необъятным сибирским пространствам, протопоп сообщает о том, что, оказавшись в Братском остроге, сидел в заточении до «Филиппова поста в студёной башне» [3, с. 90–91]. Содержали его в холоде «без платья» [3, с. 91]. Да и голодать пришлось: «Что собачка, в солодке лежу: коли накормят, коли нет» [3, с. 91]. По мнению Дм. Лихачёва, протопоп Аввакум – это мыслитель, «стремившийся к полной простоте в выражении своих идей и чувств», ... говоривший обо всём прямо, «в лоб», и не стеснявшийся в выражениях» [5, с. 7].

Братский острог возник в 1631 году на Ангаре, которую протопоп называет «Тунгузкой рекой» [3, с. 87]. Он стоял напротив Падунского порога, ныне затопленного водами Братского водохранилища. От острога чудом сохранились две деревянные башни. В одной из них и содержался протопоп. Ныне башни разлучены. Одна по-прежнему стоит на месте исчезнувшего Братского острога, а другую перевезли в музей-заповедник Коломенское. Но в какой из башен находился протопоп? За разъяснениями я обратился к главному хранителю музея-заповедника О.А. Поляковой. По её словам, построенная в 1654 году, башня Братского острога появилась в музее в 1959 году. Ныне она относится к числу главных и наиболее ценных деревянных сооружений музея и принадлежит к практически не сохранившимся оборонительным постройкам из дерева, относящимся к середине XVII столетия. Они использовались не только в военных целях, но и служили как тюрьмы, откуда практически невозможно было убежать. Сюда, в «московскую башню», и заточили протопопа Аввакума.

кума. Мог ли он предположить, что со временем его застенки перенесут в столицу. «Есть что-то символическое в том, – продолжает далее О. Полякова, – что тюрьма духовного лидера старообрядцев оказалась в Коломенском. Ведь несмотря на то, что в селе находился деревянный дворец царя Алексея Михайловича, поддержавшего религиозную реформу, половину населения Коломенского составляли старообрядцы-беспопы. В запасниках нашего музея хранятся около пятисот староверческих икон. Многие из них находились в существовавшем в Коломенском молельном доме ревнителей старой веры. Кстати, наш музей в связи с 400-летием протопопа Аввакума готовит открывающуюся в 2020 году выставку, где будут, в частности, представлены хранящиеся у нас старообрядческие иконы».

Протопоп прекрасно разбирается в народных обычаях, потехах, некоторые из которых он решительно осуждает, считая их «бесовскими игрищами». Ревнитель благочестия, он вспоминает, как «Придоша в село моё плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари (маски – Н.Ш.) и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле» [3, с. 75]. Судя по всему, надо было обладать немалой силой, чтобы справиться со скоморохами и двумя хищниками. И хотя протопоп часто обоснованно жаловался на причинявшиеся ему физические страдания, вероятно, он обладал крепким здоровьем, что позволяло ему на протяжении многих лет стойко выдерживать выпадавшие на его долю тяжкие лишения, побои и даже пытки. Поведение Аввакума в отношении скоморохов в данном случае полностью соответствовало осуществлявшейся государственной и церковной политике. Напомним, что в 1648 году появилось специальное царское распоряжение, запрещающее под угрозой батога и ссылки, выступления скоморохов с гусями, волынками и медвежьими плясками. Отобранные музыкальные инструменты предписывалось ломать и сжигать.

Из «Жития» мы узнаём и о том, что ещё во времена Аввакума существовал обычай брить бороды. Правда, протопоп решительно выступил против этого новшества, ещё в XVI веке пришедшего с запада на Русь. Он клеймит позором брадобритие, отказавшись благословить Матфея «бритобрадца» [3, с. 76] – сына отправлявшегося на воеводство в Казань Василия Петровича Шереметева. «Блудолюбный образ» молодого

боярина пришёлся не по вкусу автору «Жития», которого за послушание чуть не сбросили с судна в Волгу. Поведение протопопа объяснялось прежде всего тем, что в XVII веке бритьё бороды часто выдавалось за поступок эротического характера и связывалось с мужеложством.

Сокрушается протопоп и по поводу того, что его жена спасала детей с терпевшего бедствие на реке дощенника – большой плоскодонной лодки с палубой «простоволоса ходя» [3, с. 87]. Появление женщины на людях с непокрытой головой считалось неприемлемым по тогдашним нравственным нормам. Упоминает Аввакум и об одеждах, которые носили в Москве во времена царствования Алексея Михайловича. Мы узнаём, что у его жены была однорядка, которая стоила весьма дорого. Протопоп получил «четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися...» [3 с. 93]. Однорядка – старинная женская одежда без воротника с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук. Её шили из одного ряда ткани. Отсюда и происходит название одежды. Однорядка играла роль плаща. Её носили осенью и в ненастную погоду. Это была одежда как бояр, так и простых посадских людей. До нас дошли упоминания о двух однорядках, имевшихся у царя Алексея Михайловича.

Нельзя не восхищаться тем, с каким знанием маршрута, как истинный географ, описывает протопоп свою ссылку в Даурию и обратный путь из Сибири. «Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми, – пишет он, – ...и повезли до Тобольска; три тысячи вёрст недель с тринадцать волокли телегами и водою и саньми половину пути» [3, с. 83]. Судя по всему, Аввакум отправился в ссылку 17 сентября 1653 года. Он добирался до Тобольска преимущественно сухопутному маршруту через Переславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Тюмень. В Тобольске он пробыл более полутора лет. Затем ему велели отправиться на Лену. Очередное наказание последовало за то, как писал протопоп, что «укоряю ересь Никонову» [3, с. 86]. Как сообщает Аввакум в «Житии», из Тобольска «на Лену, великую реку», он отправился в Петров день – 29 июня 1655 года. Но, оказавшись в Енисейском остроге, узнал о другом приказе: «велено в Дауры вести – двадцать тысяч и больши будет от Москвы» [3, с. 86]. Протопоп, конечно же, преувеличивал. Путь из Москвы до региона, находившегося к юго-востоку от озера Байкал, не превышал пяти тысяч километров.

Но всё равно это было огромное расстояние. Значительная часть пути из Енисейска проходила по, как уже упоминалось, «большой Тунгузке реке» [3, с. 87] – Ангаре, которая, являясь притоком Енисея, вытекает из озера Байкал. Протопоп покинул Енисейск вместе с отрядом местного воеводы Афанасия Пашкова – «людей с ним было 600 человек» [3, с. 86].

Экспедиции предстояло освоить прилегающие к Амуру земли. Пашков отличался жестокостью и суровым нравом, о чём не замедлил сообщить Аввакум: «... беспрестанно людей жжёт, и мучит, и бьёт» [3, с. 86]. Досталось от него и Аввакуму: «А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня» [3, с. 86]. Жестокое обращение Пашкова с людьми отчасти оправдывалось сложнейшими условиями, в которых проходил поход отряда, когда для поддержания дисциплины, для того, чтобы просто выжить, командиру приходилось прибегать к самым крутым мерам.

Протопоп с точностью географа упоминает о прохождении ангарских порогов – Шаманского, Долгого и Падунского. Затем он описывает пребывание в Братске, откуда, миновав Байкал, экспедиция вышла на реку Хилок, левый приток Селенги. «По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть», – пишет Аввакум, имея в виду Пашкова [3, с. 91]. Протопопу пришлось работать вместе с казаками, в частности, тянуть против течения лямкой суда. С той же точностью, используя мало изменившуюся до нашего времени топонимику, протопоп описывает дальнейшее продвижение отряда в сторону Даурии. «Потом доехали до Иргеня озера: волок тут, – стали зимою волочитца... Весною на плотках по Ингоде реке поплыли на низ» [3, с. 92]. Из Ингоды – реки бассейна Амура – участники экспедиции попали на Нерчу, которая является притоком Шилки. Протопоп не оставил подробного описания своей жизни в Даурии. Поэтому можно только предположить, где он разместился в Забайкалье.

Вспоминаю, как, приехав в Нерчинск, я заинтересовался, находился ли кто из декабристов на поселении в этом городе. «Нет, декабристы у нас не жили, – ответили мне в местной библиотеке, – а вот протопоп Аввакум останавливался, правда, не на территории нынешнего города, а, предположительно, неподалёку от него, там, где теперь колхоз имени Калинина». Я не стал тратить время и поспешил к указанному месту. Казалось бы, ничто теперь не должно было напоминать о пребывании Аввакума. Слишком

много времени прошло со времени его ссылки. Но один свидетель всё же сохранился – деревянная церковь с шатровой колокольней XVII века, которую можно считать ровесницей протопопа.

Основав на реке Нерче острог, Пашков 25 мая 1662 года выехал в Енисейск. Вместе с ним в обратный путь отправился и протопоп Аввакум. «Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе» [3, с. 98] – читаем мы в «Житии». И вновь Протопоп повторяет уже упоминавшиеся им географические названия: Иргень озеро, Байкалово море, порог Падун, а потом «в Енисейске зимовал и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал» [3, с. 112]. Через много лет протопоп по памяти с большой точностью опишет в «Житии» свои сибирские странствия, безошибочно упоминая названия городов и острогов, рек, озёр и порогов.

Но наряду с великолепным знанием географии он выступает и как блестящий литератор. Аввакум мастерски описывает свой путь, те лишения, которые пришлось пережить ему и его близким. Он использует различные художественные приёмы, в том числе едва ли не первым в русской литературе прибегает к диалогу, с одной стороны, отражающему драматизм ситуации, а с другой – необычайную духовную силу участников похода. Измученная дорогой, жена Аввакума спрашивает своего мужа: «... долго ли муки сея, протопоп, будет?» Дальше в «Житии» так описывается разговор между супругами: «И я говорю: «Марковна, до самых смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «добро, Петрович, ино ещё побредём» [3, с. 99].

Его возвращение продолжалось около двух лет. А всего сибирская эпопея протопопа длилась более десяти лет. Ссылка, действительно, не изменила Протопопа. «И до Москвы едучи, по всем городам и сёлам, во церквах и на торгах кричал, проповедавая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесь» [3, с. 112].

Но недолго пробыл в Москве Аввакум. Своими проповедями, челобитными в защиту старой веры, враждебным отношением к церковной реформе он вновь навёл на себя гнев царской власти. «Надежды Аввакума, – писал исследователь жизни и творчества протопопа В.А. Мякотин, – были, однако, в значительной мере не основательны: на деле вызов его в Москву объяснялся не победой «старой веры» и ниспровержением Никоновских реформ, а иными, более мелкими причинами, заключавшимися в другой группировке дворцовых партий и в изменении положения самого патриарха» [7, с. 123].

И вновь в «Житии» появляются названия монастырей и острогов, где находился в заточении неистовый протопоп. Уже 29 августа 1664 года его отправляют в новую ссылку. «Да и повезли на Мезень, – пишет он в «Житии» [3, с. 121]. Первого марта 1666 года он возвращается в Москву. «Полтара года держав, паки одново к Москве взяли... И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь» [3, с. 121]. Так, протопоп впервые оказался в расположенном примерно в 90 километрах от Москвы на территории нынешней Калужской области Пафнутьев-Боровском монастыре. «Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чеппи, взяли меня паки на Москву [3, с. 122], – продолжает протопоп. В столице его поместили в Николо-Угрешский монастырь. «Держали меня у Николы в студёной палатке семнадцать недель», – вспоминает Аввакум [3, с. 123]. Затем 5 сентября 1666 года его вновь отправили в Пафнутьев-Боровский монастырь, где он пробыл до апреля 1667 года. После этого последовало очередное возвращение в Москву, где протопоп находился до тех пор, пока его, подвергнув проклятью, не «сослали в Пустозерье» [3, с. 133]. «Нераскаившиеся были преданы анафеме и наказаны; протопоп Аввакум заточен в Пустозерский острог...», – писал историк С.М. Соловьёв [11, с. 283].

Ссылки в Пустозерск — расположенный в арктической зоне самый отдалённый и северный форпост российского государства, опасался даже не страшившийся никаких лишений мятежный протопоп. В третьей челобитной царю он просил Алексея Михайловича разрешить ему вместо Пустозерска остаться в Холмогорах. Отсюда протопоп и отправил челобитную. «С великою нуждею доволокс до Колмогор; а в Пустозерский острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной (трудный – Н.Ш.), на оленях ездят [3, с. 288-289]. Протопоп обращается к самодержцу с просьбой: «Пожалуй меня, богомольца своего, хотя где, на Колмогорах, извеоль мне быть...» [3, с. 289]. Царь лишь отчасти удовлетворил тогда просьбу Аввакума, заменив заточение в Пустозерске ссылкой в слободу Мезень, находившуюся на реке того же названия.

Но на сей раз лишённому церковного сана, расстриженному Аввакуму не удалось избежать заточения в Пустозерске, где он провёл последние 15 лет своей жизни. Именно там, находясь в земляной тюрьме, он создал своё бессмертное творение «Житие протопопа Аввакума». В нём

он описал свой жизненный путь, полный моральной стойкости, духовной убеждённости и страданий.

Отрывки из «Жития» он отправлял на волю через своих единомышленников. Отсюда же, из Пустозерска, протопоп слал челобитные, сначала обращаясь к царю Алексею Михайловичу, а когда того не стало, к ставшему монархом его сыну Фёдору Алексеевичу. Челобитная к новому государю, скорее всего, и погубила протопопа. В ней он вновь обрушивает угрозы в адрес сторонников религиозной реформы. Имея их в виду, он писал: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день... Перво бы Никона того, собаку, рассекли бы начетверо, а потом бы никониян тех» [3, с. 301]. Роковым же для автора челобитной стало его высказывание об отце молодого царя – Алексее Михайловиче, поддержавшем религиозную реформу: «Бог судит между мной и царём Алексеем: в муках он сидит, – слышал я от Спаса: то ему за свою правду» [3, с. 301]. Фёдор воспринял написанное как оскорбление всей царской семьи. К тому же его не связывала, как отца, дружба с протопопом. Поэтому очень скоро последовал царский указ о казни Аввакума, которого 14 апреля 1682 года сожгли в срубке вместе с его единоверцами и единомышленниками: попом Лазарем, иноком Епифанием и деяком Фёдором.

Не стало протопопа, а потом перестал существовать и Пустозерск. Россия расширила свои границы, торговые пути стали проходить через расположенные южнее Пустозерска города. Считавшийся некогда северным форпостом страны, Пустозерск утратил как стратегическое, так и коммерческое значение. Город хирел, в его порт перестали заходить корабли. В конце концов он превратился в деревушку, которую в 1962 году покинул последний житель. Тридцать лет назад я впервые попал туда, где некогда стоял Пустозерск. Увидел тундру, однообразие которой нарушали кресты древних захоронений и два монумента. Один был посвящён исчезнувшему Пустозерску, а другой установили на предполагаемом месте сожжения протопопа Аввакума и его единомышленников. В 2019 году я вновь побывал на территории древнего городища, ныне превращённого в заповедник. Там мало что изменилось: те же кресты и монументы. Разве что появилась часовня, установленная в честь протопопа Аввакума, которую ныне, хоть и нечасто, посещают приезжающие отовсюду паломники-

старообрядцы. Всех прибывающих Пустозерск, превратившийся в город-призрак, встречает северной тишиной.

В заключение анализа «Жития протопopa Аввакума» можно сделать следующие выводы:

Автор «Жития» выступает не только как яркий защитник старой веры и противник религиозной реформы.

Он демонстрирует прекрасные знания животного, растительного мира, природы тех краёв, куда забросила его судьба.

Протопопу хорошо знакомы культура, обы-

чай, нравы эпохи правления царя Алексея Михайловича.

Аввакум предстаёт как блестящий географ, знаток тех мест, которые в дальнейшем он по памяти описывал, находясь в заточении в Пустозерске.

Наконец, свои знания он излагает образным, литературным языком, понятным современному читателю. Его «Житие» – это не просто записи очевидца, а талантливое произведение XVII века, во многом предопределившее расцвет русской литературы в последующие столетия.

Список литературы

1. Бармин, С.Г. Модернизация России XVII века как источник кризиса традиционной художественной культуры // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2005. №33. С. 4-9.
2. Будылина, М.М. Диалог как основной структурообразующий принцип в Житии протопopa Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2008. №2. С. 16-21.
3. Гудзий, Н.К. Комментарий // Житие протопopa Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. / сост., вступ. ст. и коммент. Н.К. Гудзия. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 494 с.
4. Демкова, Н.С. Комментарий // Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. / сост., вступ. ст. и коммент. Н.С. Демковой. СПб: Серия Азбука-классика, 2012.
5. Жуков, Д., Пушкарев, Л. Русские писатели XVII века. М: Молодая гвардия, 1973. 36 с.
6. Липич, О.В. Поэтика прозы Аввакума (символы и тропы) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. №2. С. 113-126.
7. Мякотин, В.А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. М.: Захаров, 2002. 200 с.
8. Осипова, А.В. О методологических проблемах изучения русского старообрядчества на материалах биографии протопopa Аввакума // Вестник Калужского университета. 2014 . №4. С. 17-25.
9. Осипова, А.В. Протопоп Аввакум: человек, образ, миф // Вестник Калужского университета. 2014. №2. С. 38-40.
10. Робинсон, А.П. Комментарий // Житие Аввакума и другие его сочинения. / сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М. 1991.
11. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Книга VI. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1961. 684 с.
12. Степанов, С.А. Неистовый Аввакум // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Политология. 2001. №3. С. 139-146.

Сведения об авторе:

Шевцов Никита Всеволодович — кандидат исторических наук, профессор, руководитель магистерской программы «Международная журналистика», заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО, Россия, Москва. Сфера научных и профессиональных интересов – история отечественной журналистики и публицистики, современная зарубежная журналистика, история России Средних веков.
E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

FEATS AND STRUGGLES OF ARCHPRIEST AVVAKUM. 400TH ANNIVERSARY OF THE GREAT AUTHOR OF «ZHITIYE» («LIFE»), THE FIRST RUSSIAN AUTOBIOGRAPHY

Nikita Shevtsov

Moscow State Institute of International Relations,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Abstract: *We will soon celebrate the 400th anniversary of archpriest Avvakum, the pioneer of Russian literature, and the legendary header of old believers rock-solid in his principles. He came into the world in early 1620 and lived a glorious life of a saint martyr who never abjured his faith despite all persecutions and sufferings.*

The leader of old believers, he never accepted the church reform. However, the archpriest Avvakum marked the history of our country not only as an extraordinary clergyman but as an outstanding publisher, who made an enormous contribution to the formation of Russian literature. «Zhitiye (Life) of Avvakum», the main work of his life, is written in the language coherent for contemporary readers. He imbues his sorrowful narration of his life with colorful epithets and figurative comparisons. The archpriest was among the groundbreakers of our literature who used dialogues to give more drama to his timeless prose. Avvakum was the first to tell the story about himself not as a great martyr. He wrote about himself offering his readers, his fellow believers in the first place, his own biography starting from his birth and to his expulsion to Pustozersk, an inaccessible northern town which ceased to exist nowadays. He had spent 15 years of his life in the earthen prison together with his fellows. All of them were burnt at the stake in Pustozersk on April 14, 1682.

Still, the book of Avvakum is not only the story of his life and the struggles he had against his religious enemies. The archpriest proves to be an outstanding expert in geography, flora, fauna, and nature. He brilliantly describes all of those using various literary techniques. He knew the everyday life of his time really well and therefore he skillfully shared his attitude to the world around him.

The article focuses on this particular part of Avvakum's work, which has not been often highlighted in the previous researches.

Key Words: *church dissent, archpriest Avvakum, Patriarch Nikon, Tsar Alexis Romanov, Dauria, epithets, dialogues, ostrog (fort), monastery, Pustozersk, autobiography.*

References

1. Barmin S.G. Modernizatsiia Rossii XVII veka kak istochnik krizisa traditsionnoi khudozhestvennoi kul'tury [Modernisation of Russia in the 17th century as the source of crisis of the traditional artistic culture]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo, 2005, No.33, pp. 4-9.
2. Budylnina M.M. Dialog kak osnovnoi strukturoobrazuiushchii printsip v Zhitii protopopa Avvakuma [Dialogue as the main structure forming principle in the Life of Archpriest Avvakum]. Sibirskii filologicheskii zhurnal, 2008, No.2, pp. 16-21.
3. Gudzii N.K. Commentary. Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia. [Life of Archpriest Avvakum Written by Himself]. Redaktsiya, vstupil'naia stat'ya i kommentarii N.K. Gudziia. Moscow, ZAO «Svarog i K», 1997, 494 p.
4. Demkova N.S. Commentary. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniia [Life of Archpriest Avvakum written by himself and other works of Avvakum] Introductory comment by. N.S. Demkova. Saint Petersburg, Seriiia Azbuka-classika, 2012.
5. Zhukov D., Pushkarev L. Russkie pisateli XVII veka. [Russian authors of the 17th century]. Moscow, Molodaia gvardiia, 1973, 336 p.
6. Lipich O.V. Poetika prozy Avvakuma (simvoly i tropy) [Poetics of Avvakum's prose (symbols and paths)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 10: Zhurnalistika, 2005, No.2, pp.113-126.
7. Myakotin V.A. Protopop Avvakum. Ego zhizn' i deiatel'nost'. [Archpriest Avvakum. His life and Endeavors]. Moscow, Zakharov, 2002, 200 p.
8. Osipova A.V. O metodologicheskikh problemakh izucheniia russkogo staroobriadchestva na materialakh biografii protopopa Avvakuma. [Methodological problems of Russian old-believers studies based on the materials of the biography of archpriest Avvakum]. Vestnik Kaluzhskogo universiteta, 2014, No.4, pp. 17-25.
9. Osipova A.V. Protopop Avvakum: chelovek, obraz, mif [Archpriest Avvakum: human, image, myth] Vestnik Kaluzhskogo universiteta, 2014, No.2, pp.38-40
10. Robinson A.P. Commentary. Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniia. [Life of Avvakum and his other works] Introductory comments by A.P. Robinson. Moscow, 1991
11. Solov'ev S.M. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. [History of Russia from ancient times] Book VI. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1961, 684 p.
12. Stepanov S.A. Neistovy Avvakum [Furious Avvakum]. Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriiia: Politologiiia, 2001, No.3, pp.139-146.

About the author:

Shevtsov Nikita Vsevolodovich – Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the master’s program “International Journalism”, Head of the Department of International Journalism, MGIMO, Russia, Moscow. The sphere of scientific and professional interests is the history of Russian and international journalism, history of medieval Russia. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

* * *